

Город. Мифы, природа и насилие

Полина Патимова

Выбирая городской образ жизни, мы выбираем безопасность и культуру, но в обмен соглашаемся подчиняться городским правилам — системе улиц, расписанию транспорта, размеру арендной платы и многим другим механизмам регуляции, упорядочивания и контроля. Иначе говоря, мы соглашаемся на смягченные формы насилия, получая в обмен комфортную повседневность [Фуко, 1999].

Проектирование, строительство и в целом реализацию любого проекта также можно рассматривать как насилие в смягченной форме, ведь любая реализация неизбежно приводит к отказу от нескольких вариантов в пользу одного, к лоббированию одних интересов и подавлению других, к продолжительному дискомфорту горожан во время стройки и т. д. При этом реализация любого проекта допускает непрогнозируемые сценарии, которые делают город разнообразным и хаотичным. Город можно рассматривать как гиперобъект [Мортон, 2019a] — то есть как структуру, которую человеческое сознание не может охватить целиком, а может воспринимать лишь в виде своего рода тонких срезов. Не могут помыслить город целиком в том числе и проектировщики, которые предпринимают конкретные и последовательные шаги для его строительства или трансформации.

В этой работе мы попробуем установить взаимосвязь между механизмами насилия и процессом планирования, застройки и благоустройства городов — а также понять, как насилие связано с мифами.

В качестве инструмента для этого сопоставления мы будем использовать триаду Анри Лефевра, которую он сформулировал в книге «Производство пространства»¹: пространственная практика / репрезентации пространства / пространства репрезентации. Отметим, что книга Лефевра написана с промарксистских позиций и резко критикует капиталистические и неокapиталистические города, но мы не используем оптику Лефевра целиком, а лишь опираемся на три эти концепта, помогающих описать производство не только физического, но и социального пространства городов.

В «Производстве пространства» Лефевр критикует представления о пространстве как о математической абстракции, порожденной среде или одной из кантовских априорных форм, необходимой для упорядочивания феноменов чувственного мира. Он связывает пространство с городом и производством и сосредотачивается на представлении о пространстве как продукте социальных отношений.

1. Здесь текст книги «Производство пространства» цитируется в двух переводах: переводе Алексея Муратова, выполненном в 2010 году для журнала «Проект international» [Лефевр, 2010], и в переводе Ирины Стаф, выполненном в 2015 году для Strelka Press [Лефевр, 2015]. Перевод Муратова больше соответствует задачам исследования, но является неполным — это перевод некоторых фрагментов вступления к книге. Недостающие фрагменты цитируются в переводе Стаф.

Патимова Полина, архитектор, редактор архитектурной школы МАРШ; Российская Федерация, 105120, Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 10, стр. 2, тел.: +7 495 640 80 15
E-mail: ppatimova@gmail.com

Автор статьи прослеживает связь между механизмами насилия и процессами планирования, застройки и благоустройства городов, используя понятийный аппарат французского философа и социолога Анри Лефевра, разработанный в книге «Производство пространства». Используя триаду Лефевра — репрезентации пространства / пространственные практики / пространства репрезентации, — автор обнаруживает, что насилие непосредственно связано с мифами, которые закрепляют и легитимируют его. Один из центральных мифологических сюжетов, порождающих насилие в городе, — стремление победить Другого и завладеть его сокровищами, — реализуется в том числе в тенденции покорить природу и сделать ее безопасной и предсказуемой. Таким образом, сама природа становится Другим, или чудовищным двойником, существование которого оказывается необходимым условием для развития города и в то же время представляет для него опасность. С приходом цифровой революции в жизни города появляется еще один двойник — виртуальное пространство. В цифровую среду перемещаются не только социальные взаимодействия, но и процесс производства городского пространства. При этом цифровое измерение не может, да и не стремится победить измерение аналоговое — в результате соединения физического измерения города с его виртуальным двойником образуется гиперобъект, который целиком не помогут помыслить даже те, кто его проектирует. Противопоставляя репрезентации пространства (то есть представления о развитии пространства) и пространственные практики (то есть повседневное использование города), автор размышляет о том, как старое и новое соседствуют в гибридном аналогово-цифровом пространстве и как при этом меняются мифы и отношение к природе и насилию.

Ключевые слова: город; миф; природа; насилие; гиперобъект; миметическое соперничество; пространственная практика; репрезентации пространства; цифровая революция; BIM

Цитирование: Патимова П. (2021) Город. Мифы, природа и насилие // Городские исследования и практики. Т. 6. № 4. С. 17–25. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp64202117-25>

Говоря о производстве пространства (и времени), мы подходим к ним не как к неким «предметам» или «вещам», изготовленным вручную или машинами, но как к важнейшим аспектам вторичной природы, результата воздействия общества на природу «первичную» – на чувственные параметры, материю и все виды энергии. Они – продукты? Да, в особом смысле... [Лефевр, 2015, с. 9].

Для Лефевра социальное пространство – это и продукт, и одновременно производитель, который влияет на способ производства и меняется вместе с изменениями этого способа. Описывая производство пространства, он вводит три важных понятия: пространственная практика, репрезентации пространства и пространства репрезентации, но при этом не дает им точных определений. На основе текста Лефевра мы попробуем определить их следующим образом:

Пространственная практика (или социальная практика) – любые повседневные действия по использованию городского пространства: перемещения людей по городу, коммуникация, любое производство и воспроизводство социальных отношений.

Репрезентации пространства – замыслы и представления о развитии пространства (города). К репрезентациям пространства можно отнести визуализации и чертежи городских проектов, дискуссии и, возможно, законы, регулирующие городскую жизнь. Репрезентации всегда открыты для пересмотра и несут отпечаток знания и идеологии, в которой существуют.

Пространства репрезентации – реально существующие пространства, которые одновременно несут символическое значение и представляют (репрезентируют) ценности общества. Пространства репрезентации скорее проживаемые, чем продуманные.

Эта триада не описывает все процессы, происходящие в городе. Скорее это инструменты для изучения социального пространства, для высвечивания отдельных смысловых блоков внутри того, что существует для Лефевра как глобальное целое и как система сложных взаимосвязей.

Важное место в тексте Лефевра занимает природа. «Природа, этот могущественный миф, превращается в фикцию, в негативную утопию: теперь она только лишь сырье, которым оперируют производительные силы различных обществ, чтобы

произвести свое пространство. Не утрачившая, конечно, способности сопротивляться, неисчерпаемо глубокая, но поверженная, пребывающая в состоянии отступления и разрушения» [Лефевр, 2010, с. 150]. Здесь самое время разобраться с тем, что мы понимаем под мифом и как мифы связаны с городами.

Город и насилие

В этой работе под мифами понимаются любые нарративы, которые закрепляют какое-либо событие в качестве широко известного факта и культурного прецедента. Например, Рене Жирар утверждает, что мифы непосредственно связаны с ритуалами и что в основе мифа лежит либо реальное событие, либо верование, порождающее ритуальные практики [Жирар, 2010, с. 210].

Архитектор Бехир Кензари в статье «Строительные ритуалы, миметическое соперничество, насилие», написанной под влиянием Жирара, утверждает, что исторически строительство городов неразрывно связано с насилием: жертвоприношением, соперничеством и братоубийством или самопожертвованием основателя/зодчего. Он предлагает сквозной обзор некоторых форм насилия, связанных со строительством городов: от ритуальных жертвоприношений в античных сообществах, а также у инков и ацтеков до судебного процесса над французским архитектором Фернаном Пуйоном, который длился с 1961 по 1964 год. Кензари указывает, что сюжеты насилия и жертвоприношения незримо присутствуют в городской ткани, но остаются тщательно скрытыми, и что некоторые из этих сюжетов закреплены в мифах:

<...> типичный город – это замаскированное кладбище. Лежащий глубоко под «дневными» уровнями урбанистического сознания, двойник города (принесенные в момент его основания жертвы) не дает угаснуть архаической тревоге, которая требует находить все новых и новых козлов отпущения <...>. Города надстраиваются над этой погребенной под ними вытесненной реальностью и функционируют таким образом, чтобы насилие, связанное с моментом их возникновения, всегда оставалось тщательно скрытым [Кензари, 2014, с. 165–166].

Мысль о трансформации миметического насилия в коллективное жертвоприно-

шение принадлежит Рене Жирану. Он же утверждает, что любое желание миметично: есть субъект, есть объект, которого он желает, и есть соперник (или чудовищный двойник), который подражает субъекту и желает того же самого объекта. Поэтому любой мимесис, или миметическое желание, порождает конфликт. Развивая эту мысль, Кензари переносит ее на архитектуру:

Архитектурное желание принципиально миметично <...>. Из-за конкурентной природы строительной индустрии архитекторы, подрядчики, застройщики, планировщики, даже политики – все участвуют в формировании этой инстанции миметического желания, в недрах которой зреют семена насилия. Стремление устранить архитектурного Другого, соперника, – естественное следствие этого влечения, которое проявляется по-разному и старается легитимизировать себя, находя различные поводы назначить кого-то из соперников на роль жертвы [Кензари, 2014, с. 167].

Кензари разбирает, как насилие стало основой городов в архаическом, античном и средневековом обществах и лишь немного касается процессов современного строительства. Но как быть с городами, появившимися за последний век, – есть ли у них своего рода города-двойники, которые незримо присутствуют в городской ткани?

В книге «Белый город, Черный город. Архитектура и война в Тель-Авиве и Яффе» израильский архитектор Шарон Ротбард рассказывает историю о насилии, случившемся в середине XX века. Он детально разбирает, как на месте Яффы возник Тель-Авив: новый еврейский город территориально, то есть чисто физически, захватил значимый арабский город-порт, превратив его остатки в неблагополучную окраину [Ротбард, 2017]. Тель-Авив в описании Ротбарда целенаправленно и фанатично истребляет остатки памяти о Яффе: зачищает целые территории и вытесняет историю реальной агрессии, а вместо нее создает миф о Белом городе – очаге модернистской архитектуры, возникшем в дюнах буквально из ниоткуда².

Историю насилия одного города над другим Ротбард прослеживает именно во внутренних противоречиях мифа о Белом городе, превратившемся для Израиля в том числе в предмет экспорта, и доказывает, что история Тель-Авива, начавшаяся в XX веке, тоже опирается на город-двойник, замурованный под поверхность современного города и скрытый даже от жителей, часть которых были очевидцами происходящей подмены.

Пространственная практика. Миф о завоевании природы

Интересно, что в своем увлекательном анализе Ротбард прямо называет Тель-Авив хищником, а Яффу – жертвой, и даже наделяет их гендерной принадлежностью: цветущая Яффа, «невеста моря», сдаётся под натиском милитаристского, амбициозного и уверенного в своей безнаказанности Тель-Авива.

Такое гендерное деление как будто бы с самого начала определяет превосходство сил одного города над силами другого. В то же время оно очень точно воспроизводит параллель между колонизацией земель и сексуальным завоеванием девственного женского тела, воспринимаемого как символ соблазнительного материального изобилия (до своего падения Яффа славилась апельсиновыми садами и фруктами, которыми город активно торговал).

Эту параллель и ее связь с архитектурой также обнаруживает Дженнифер Блумер в статье «Материя режущей кромки». Блумер отмечает, что «из основанных на этой конструкции героических мотивов исследования, открытия, завоевания, освоения и колонизации возникли исторические реалии и взаимосвязанные культуры, от имени которых действуют теперь архитектурная практика и архитектурный дискурс» [Блумер, 2015, с. 157]. История о покорении неизвестного превращается в метафору «переднего края» или «режущей кромки»: поиска нового и движения вперед, «лежащими в центре модернистского проекта».

В то же время метафора, о которой говорит Блумер, имеет и обратную сторону – необходимость постоянного завоевания и обуздания природы и желание использовать ее богатства. Если античный

2. В действительности часть Тель-Авива, названная Белым городом, начала формироваться в палестинской Яффе: сначала в городе появился первый еврейский район Неве-Цедек, а вслед за ним уже за пределами Яффы появился район Ахузат-Байт.

фюсис развивается без внешнего влияния, органично вписывается в миропорядок и служит ориентиром для познания, то природа XX века, уцелевшая после индустриального переворота, превращается в полезный ресурс. Если античный полис появляется как важный пункт торгового пути, а средневековый город – как религиозный центр, то города XX века строятся или активно перестраиваются вокруг производств или под влиянием военных столкновений (как в случае с Яффой и Тель-Авивом).

В любом случае условием развития города служит конфликт: даже если не существует видимой угрозы или видимого врага (Другого), модернистский город, распорядок и жизнь которого определяются промышленным производством, стремится подчинить природу и максимально эффективно использовать ее как ресурс или же спасти, а в другом сценарии – воспроизвести ее уже без опасных катаклизмов (например, создать большой парк в городе, очертив его по периметру улицами).

Если смотреть на природу, лежащую в основании города и постоянно подавляемую или, по крайней мере, регулируемую городом, как на миф, то каждая крупная трансформация, каждая пространственная практика – работа с рельефом, расширение города (то есть захват окружающих территорий) или перекраивание его пространства – становится реализацией пространственных виртуальностей, потенциально уже заложенных в самом мифе, в самой природе.

Об этом, например, говорит Бернар Каш в статье «Архитектура: между территорией и объектом». Он вводит категорию виртуальности³ – образа, который появляется в результате особого прочтения участка. Такое прочтение – лишь одно из множества возможных решений, а не единственно правильное.

Разбирая историю Лозанны и того, как город постепенно формировался на холме и в долине, Каш анализирует пространственные векторы, которые уже были заложены в ландшафте, но подчеркивались архитектурой и инженерными сооружениями – например, кафедральным собором на утесе, виадуком и кольцевой магистралью, которые появились за несколько ве-

ков. При этом Каш отмечает, что «образ города отнюдь не является только лишь выражением „природы“ данного местоположения» [Каш, 2007, с. 164].

И хотя развитие любого города связано не только с геоклиматическими особенностями, подобные виртуальности, существующие в физическом пространстве, часто становятся нарративами, которые профессионалы из различных областей, работающие с городом, – политики, девелоперы, социологи, урбанисты – считают или не считают, впускают в свои проекты или нет, транслируют или игнорируют. Сам выбор одной из виртуальностей – это отказ от нескольких вариантов в пользу одного и от одних интересов в пользу других. Иначе говоря, это тоже насилие, существующее в смягченной форме.

Миф как репрезентация пространства

Разрабатывая теорию мифа, Рене Жирар уделял особое внимание его ритуальному значению. Но предположим, что миф в современном мире можно связать не только с религиозными ритуалами, но и с повседневными практиками, в которых люди воспроизводят миф осознанно или полuosознанно.

Городской миф – не просто сюжет, спрятанный в глубинах города и поддерживаемый благодаря повседневным пространственным практикам (например, перемещению по улицам, названным в честь мифологических героев, или посещению votивного храма на холме). Миф часто работает как один из инструментов формирования идеологии и может стать и одной из форм репрезентации пространства, то есть нарративом, который конструируется с нуля так, как хотят его создатели. Затем миф превращается в неоспоримый факт, в подлинности которого никто не сомневается.

Так, например, случилось с мифом о Белом городе в дюнах: Тель-Авив в нем предстает смелым проектом, созданным вдали от Баухауза, но в тесной связи с его традицией. Однако в этой истории опущено много деталей, главные из которых – строительство города в палестинской Яффе, а не в израильском Тель-Авиве:

3. Бернар Каш посещал семинары Жюль Делеза. Его книга *Terre Meuble* (1996), фрагмент которой переведен на русский язык, была подготовлена в 1983 году, но опубликована не сразу, а только после того, как Делез упомянул ее в работе «Складка. Лейбниц и барокко» под рабочим названием *L'ameublement du territoire* [Делез, 1997, с. 28].

большая часть зданий Белого города построена в 1930-е годы в арабской Яффе, а не в израильском Тель-Авиве, но ни один арабский архитектор не упоминается в истории Белого города – только еврейские и немецкие архитекторы. И не на дюнах, а вместо них: в отличие от традиционных палестинских домов, которые прилегали к песчанику, для строительства модернистских зданий на бетонных фундаментах в Яффе пришлось удалить песчаный и песчаниковый слои [Ротбард, 2017].

Конструирование мифов и вшивание их в представления города о самом себе и в повседневные практики горожан можно рассматривать как практику апроприации пространства и как (пере)конструирование этого пространства. Получается, что уничтожение Яффы и апроприация ее территорий – одна из первых пространственных практик, связанная с появлением Тель-Авива. Затем на смену этой практике приходят более плодотворные – строительство, конструирование городского эпоса и даже охрана наследия: в 2003 году Белый город был признан памятником культурного наследия ООН. Но так или иначе все эти практики начинаются с масштабного насилия и закрепляются в виде мифа, который превращается в одну из репрезентаций городского пространства.

Проектирование как репрезентация пространства

Еще один способ репрезентации пространства – проектирование. Работа, которую делают архитекторы, дизайнеры и городские планировщики, всегда несет отпечаток идеологии – и всегда открыта для пересмотра. Как пишет историк архитектуры Марио Карпо, «...задача проектирования состоит в том, чтобы придать форму тем объектам, которые мы производим, и той среде, в которой обитаем» [Carro, 2017]. Придание этой формы во многом работает как репрезентация пространства: архитекторы стремятся не только создать форму, но и срежиссировать сценарии, которые ее наполнят.

Две главные парадигмы XX века – модернизм и постмодернизм – закрепили этот подход, хотя и сделали это по-разному. Модернистский подход и к городу, и к отдельным зданиям опирается на восприятие мира (в том числе нового мира, который конструирует архитектор) как системы, нуждающейся в настройке. Такой подход стремится упорядочить все процессы, исключить любые случайности и подчинить

людей, зверей и любые природные ресурсы определенным регламентам и порядкам. Модернистские планы города или фасады зданий всегда построены как геометрическая сетка, в которой любые ресурсы используются максимально экономично.

Попытки упорядочивания, разумеется, терпят крах. Во многом потому, что случайности невозможно исключить и город-гиперобъект порой ведет себя непредсказуемо. Один из самых показательных примеров того, как случайность способна одолеть модернистские идеалы, – жилая единица Ле Корбюзье, *Unité d'Habitation*: известный проект социального жилья с двухуровневыми квартирами и детским садом на крыше. Дом был построен в Марселе в 1952 году, а затем воспроизводился с незначительными изменениями (в Нант-Резе, Берлине, Фирмини и Бриан-Форе). Все эти проекты очень похожи: двухуровневые жилые ячейки выходят на один, а часто на два фасада, чтобы жильцы имели доступ к утреннему и вечернему свету, и соединяются длинными коридорами, которые Ле Корбюзье мыслил как внутренние улицы. На нескольких этажах располагаются общественные зоны – прачечные, магазины, кафе и зоны отдыха, – благодаря которым должно формироваться сплоченное сообщество жильцов. При внешнем архитектурном сходстве и похожем расположении (оба здания удалены от центра города) социальный климат в марсельской и берлинской «жилых единицах» существенно различался. Во французском здании внутренние улицы со временем обветшали и в какой-то момент даже превратились в места, где жильцов могли ограбить, тогда как немецкое здание исправно функционировало и отличалось порядком и аккуратностью. Практически идентичные архитектурные решения, реализованные с разницей в несколько лет, сработали совершенно по-разному.

В конце 1970-х – начале 1980-х годов на смену модернизму пришел постмодернизм. В этот период резкой критике было подвергнуто стремление к тотальному планированию, а также господство автомобилей и автодорог в городах и пригородах. В американском городском планировании возник «Новый урбанизм» – движение, принципы которого современные городские планировщики активно используют в своей практике. Ценностями городского планирования стали разнообразие среды, смешение нескольких функций в одном здании (*mixed use*) и внедрение обще-

ственных зон в пешей доступности от жилья. Но вместе с новым урбанизмом конца 1980-х и начала 1990-х годов в городское планирование неожиданно пришли псевдоисторизм и заигрывание с образом европейского города, который формировался веками и постепенно совмещал разные, часто конфликтующие, функции.

Попытки создавать новые городские пространства, имитируя старые, – то есть попытки конструировать город как театральную декорацию и искусственно наполнять ее новыми функциями, – на самом деле очень близки к модернистскому желанию регламентировать и режиссировать поведение людей, животных и природных ресурсов. Желание конструировать повседневную жизнь всех городских обитателей – открыто или замаскированно – это, по сути, стремление исключить или заменить непредсказуемые пространственные практики на репрезентации пространства: спроектировать сценарии по использованию пространства и затем навязать горожанам.

Таким образом, сам процесс проектирования и реализации проектов, процесс физического производства городской среды, служит источником насилия. Но и в физическом пространстве, и в пространстве социальном возникают неточности, ошибки и побочные эффекты, которые и делают городскую среду по-настоящему разнообразной и насыщенной и в какой-то степени компенсируют насилие, проявляющееся при планировании, застройке и благоустройстве городов.

Пространства репрезентации

Лефевр утверждает, что каждая идеология конструирует собственное пространство, поэтому при столкновении идеологий возникают острые пространственные конфликты (как в случае с Яффой и Тель-Авивом). «Пространственная практика того или иного общества „вынашивает“ свое пространство; она его то располагает, то предполагает (в режиме диалектического взаимодействия): она его вырабатывает медленно, но верно, не прерывая своего господства над ним и апроприируя его для себя» [Лефевр, 2010, с. 153]. Однако в тексте звучит еще один важный тезис: «Каждый способ производства имеет пространство, апроприированное им, новое пространство, производимое в момент перехода» [Лефевр, 2010, с. 160].

Новым этапом для проектирования во всем мире стала цифровая революция,

случившаяся в начале 1980-х годов. Правда, на проектирование она существенно повлияла скорее в следующем десятилетии. Вот что пишет об этом Марио Карпо в книге «Второй цифровой переворот»:

В 1990-е первому поколению проектировщиков, знакомых с цифровыми технологиями, пришла в голову простая и радикальная идея. Они утверждали, что цифровое проектирование и строительство должно не состязаться с механическим массовым производством, а стремиться к чему-то иному, недоступному промышленным конвейерам [Carpo, 2017, p. 3].

Карпо указывает, что эта техническая революция привела к рождению нового архитектурного стиля, основанного на плавных линиях и криволинейных поверхностях, – параметризма, иначе называемого стилем сплайна или эстетикой глоба. А затем устанавливает неочевидную взаимосвязь между крахом пузыря доткомов (волной банкротств, случившейся в начале 2000-х годов среди компаний, предлагавших использовать интернет как новый источник доходов) и кризисом «цифровых пузырей» – криволинейных зданий, превратившихся в «символ века неумеренности, расточительности и технологического заблуждения» [Carpo, 2017, p. 5].

Таким образом, пространством репрезентации – то есть пространством, которое несет символическое значение и представляет ценности общества, – стало не только пространство реальное, или аналоговое, но и пространство цифровое, или виртуальное. При этом они не существуют по отдельности, а дополняют друг друга.

Один из самых наглядных примеров взаимного обмена между виртуальным и реальным пространствами, который связан со строительством и производством города, можно считать технологию BIM. Информационная модель здания (*Building Information Modeling*, или BIM) – это не только 3D-форма здания или целого участка, но и связанная с ней база данных, в которой хранится множество взаимосвязанных параметров: размеры, материалы, информация о производителях, деление зданий на исторические слои [Сазонов, Патимова, 2021]. Технология BIM существенно влияет на все процессы проектирования. С одной стороны, BIM-модель объединяет большую команду проектировщиков и, как пишет Карпо в предисловии к другой книге, размывает авторство [Car-

ро, 2014, р. 13]. Потенциально технология BIM может стать одним из самых убедительных манифестов коллективного производства, а значит, и коллективной репрезентации пространства, которая, правда, принадлежит лишь проектировщикам.

С другой стороны, пока именно на этапе такой репрезентации возникают самые большие трудности: из-за резкого скачка в развитии цифровых технологий, которые должны были сблизить проектирование и строительство, разрыв между ними сегодня кажется только больше – проекты усложняются, а возможности реализации часто остаются на уровне двадцатилетней давности. Однако виртуальное пространство, в котором BIM-модель существует на этапе проектирования, часто оказывается слепком и лабораторией реального мира или его репрезентацией, в которой можно протестировать тысячи вариантов, а затем экспортировать их в реальность [Гарбер, 2018].

При этом вместе с усложнением цифрового пространства увеличивается и разрыв между репрезентациями пространства (то есть замыслами его развития) и пространствами репрезентации (реально существующими пространствами, которые несут символическое значение и представляют ценности общества). Переход проектировщиков в цифровую среду с собственными законами отдаляет их и от работы с символическими значениями, и от пространственных практик, ведь чтобы модель легко экспортировалась в реальность, в ней должно быть как можно меньше коллизий (ошибок), а значит, и случайностей.

Реализация любого проекта, созданного в аналоговой или цифровой среде, связана с проявлением власти, а сама природа власти связана с принуждением и угрозой насилия в случае неповиновения. При этом было бы ошибкой считать застройку и благоустройство городов насилием в чистом виде: речь идет скорее о том, что реализация любого проекта связана в том числе с насилием в смягченной форме, когда интересы одних горожан берут верх над интересами других, или же в чистом виде, когда рабочие закалывают барана перед началом стройки многоэтажного дома.

Новый двойник и новые жертвы

Итальянский архитектор Альдо Росси писал о городе как о пространстве коллективной памяти, которое формируется из постепенно накапливающихся истори-

ческих пластов. Демократические города складываются за счет инициатив, не только спущенных сверху, но и исходящих снизу, – таким образом их пространства репрезентируют ценности, существующие в обществе.

Дигитализация добавила новое измерение к производству физического и социального пространства: материальные объекты и социальные отношения теперь существуют не только в физической, но и в виртуальной среде, которую можно рассматривать в том числе как город-двойник. В отличие от архаических или античных сообществ и даже в отличие от Тель-Авива и Яффы, этот цифровой двойник не погребен под «дневными» сломи урбанистического сознания, а существует в симбиотическом единстве с городом, буквально на условиях партнерства.

Город и пространство вообще, в том числе цифровое, – это поле постоянно конфликтующих интересов и конкуренции, которые разворачиваются между горожанами и властью, между разными представителями власти, между социальными группами и отдельными людьми. Постоянная борьба за господство, как и миметическое желание, заложена в природе человека. Открытое или потаенное насилие – один из способов разрешения этих конфликтов. Сегодня производство пространства происходит в том числе в цифровой среде, а после реализации любое пространство существует в городе-гиперобъекте, у которого есть не только аналоговое, но и цифровое измерение.

Что становится новыми мифами в этом гибридном аналогово-цифровом пространстве? Кажется, вся новая этика, которая пересматривает отношения силы (господства) и слабости (подчинения). Вот что пишет об этом клинический психолог Елена Леонтьева:

<...> иерархия трещит по швам: вертикаль власти и принципы естественного доминирования размываются идеями системности, горизонтальных связей, равенства, партнерства, самоорганизации. Сама идея доминирования кого-то над кем-то подвергается сомнению и объявляется насилием. Мы начинаем понимать насилие не как условие существования социальной системы или общественный договор, а как нежелательное и устаревшее психологическое явление (сделаем стандартную оговорку, что говорим только о западной культуре) [Леонтьева, 2021, с. 61].

Что происходит с природой? Кажется, фокус миметического желания и соперничества с ней, активно развивавшийся со времен эпохи Просвещения и достигший своего апогея в XX веке, постепенно рассеивается: дихотомия человек – природа сегодня кажется попросту устаревшей и резко критикуется современной философской и социально-гуманитарной мыслью. Из чудовищного двойника, которого город хочет уничтожить и в то же время воспроизвести в стерильном и безопасном виде, природа превращается в жертву антропоцена, а антропоцентризм начинает осмысляться в том числе как экологическое насилие над нечеловеческим, то есть над любыми одушевленными и неодушевленными объектами. Пересматривается и само понятие природы: например, Тимоти Мортон указывает, что это слишком гомогенный термин, который вредит экологическому мышлению [Мортон, 2019].

Глобально все эти процессы – переосмысление насилия, природы и роли человека в мире, а также формирование новой этики (которая, кажется, стремится стать новой идеологией) – можно рассматривать как уплощение вертикальных иерархий и все более прочный переход культуры от ориентации на иерархические структуры к структуре разветвленной и постоянно усложняющейся ризомы к структуре гиперобъектов, которые существуют одновременно в аналоговом и цифровом измерениях. Это уплощение непосредственно связано с цифровыми технологиями – пространством-двойником или скорее пространством-партнером, которое приклеилось к миру как гиперобъект и размыло физические и языковые границы.

При этом сам этот переход от вертикали к горизонтали все еще не произошел окончательно, и он, конечно, не означает ни отказа от насилия, ни повсеместного распространения экологического мышления, ни даже радикальной трансформации городов.

Источники

- Блумер Дж. (2015) Материя режущей кромки // Проект international. № 39. С. 155–167.
- Гарбер Р. (2018) История оптимизации. Влияние BIM на современное проектирование // Софткультура. Режим доступа: <https://softculture.cc/blog/entries/articles/vliyanie-bim-na-sovremennoe-proektirovanie> (дата обращения: 3.11.2021).
- Делез Ж. (1997) Складка. Лейбниц и барокко. М.: Издательство «Логос».

- Жирар Р. (2010) Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение.
- Каш Б. (2007) Архитектура: между территорией и объектом // Проект international. № 16. С. 15–163.
- Кензари Б. (2014) Строительные ритуалы, миметическое соперничество, насилие // Проект international. № 38. С. 163–179.
- Леонтьева Е. (2021) Изображая жертву: почему борьба с харассментом приводит к эскалации насилия // Конец привычного мира. Путеводитель журнала «Нож» по новой этике, новым отношениям и новой справедливости. М.: Альпина нон-фикшн. С. 60–74.
- Лефевр А. (2010) Производство пространства // Проект international. № 24. С. 149–168.
- Лефевр А. (2015) Производство пространства. М.: Strelka Press.
- Мортон Т. (2019a) Гиперобъекты. Философия и экология после конца мира. Пермь: Гиле Пресс.
- Мортон Т. (2019b) Статья экологичным. М.: Ad Marginem.
- Росси А. (2015) Архитектура города. М.: Strelka Press.
- Ротбард Ш. (2017) Белый город, Черный город. Архитектура и война в Тель-Авиве и Яффе. М.: Ad Marginem.
- Сазонов О., Патимова П. (2021) Словарь: что такое BIM. Простыми словами о сложной технологии // Софткультура. Режим доступа: <https://softculture.cc/blog/entries/articles/bim-likbez> (дата обращения: 3.11.2021).
- Фуко М. (1999) Надзирать и наказывать. М.: Ad Marginem.
- Carpó M. (2014) Foreword // Garber R. BIM Design: Realizing the Creative Potential of Building Information Modelling. Chichester, West Sussex, United Kingdom: Wiley. P. 8–13.
- Carpó M. (2017) The Second Digital Turn. Design Beyond Intelligence. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.

CITY. MYTHS, NATURE AND VIOLENCE

Pauline Patimova, Architect, Editor at Architecture School MARCH; 10 bldg. 10 Nizhnaya Syromyatnicheskaya str., Moscow, 105120, Russian Federation; tel.: +7 495 640 80 15
E-mail: ppatimova@gmail.com

Abstract. Urban construction is historically linked to sacrifice, hence to violence. This article makes a connection between the mechanisms for violence and the process of urban planning, construction, and development within the conceptual framework Henri Lefebvre, a French philosopher and sociologist, presented in his book *The Production of Space*.

By means of Lefebvre's conceptual triad: representations of space, spatial practice and representational spaces, the author discovers a direct correlation between violence and the myths that secure and legitimize it.

One of the core mythological scenarios breeding violence in the city is the pursuit to conquer the Other and capture its treasures, which is embodied, among other things, in the desire to conquer nature and make it safe and predictable. Thus, nature itself replaces the Other, becoming its monstrous double, whose existence is both essential and hazardous for urban development. The digital turn in the city brings on still another double—the digital space. Not only social interactions but urban space production is going digital. Yet digital space is unable and unwilling to subject analog space to its rule. As a result, the city's physical dimension and its digital double merge, creating a hyper-object, which cannot be fully conceived even by those who design it.

By contrasting representations of space (i.e., space development perceptions) and spatial practice (i.e., city daily usage), the author reflects on the old and the new, the way they coexist in the hybrid digital-analog space, affecting myths and the attitude to nature and violence.

Keywords: city; myth; nature; violence; hyper-object; mimetic rivalry; spatial practice; representations of space; digital turn; BIM

Citation: Patimova P. (2021) City. Myths, Nature and Violence. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 4, pp. 17–25. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp64202117-25>

References

- Blumer Dzh. (2015) Materiya rezhushchei kromki [The Matter of the Cutting Edge]. *Proekt international* [Project international], no 39, pp. 155–167. (in Russian)
- Carpo M. (2014) Foreword. Garber R. BIM Design: Realizing the Creative Potential of Building Information Modelling. Chichester, West Sussex, United Kingdom: Wiley, pp. 8–13.

- Carpo M. (2017) The Second Digital Turn. Design Beyond Intelligence. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
- Deleuze Zh. (1997) Skladka. Leibnits i barokko [The Fold. Leibniz and the Baroque]. M.: Izdatel'stvo «Logos» [Moscow: Logos Publishing House]. (in Russian)
- Fuko M. (1999) Nadzirat' i nakazyvat' [Discipline and Punish]. M.: Ad Marginem. (in Russian)
- Garber R. (2018) Istoriya optimizatsii. Vliyanie BIM na sovremennoe proektirovanie [History of Optimization. The Influence of BIM on Modern Design]. *Softkul'tura* [Softculture]. Available at: <https://softculture.cc/blog/entries/articles/vliyanie-bim-na-sovremennoe-proektirovanie> (accessed 3 November 2021). (in Russian)
- Kash B. (2007) Arkhitektura: mezhduterritoriei i ob'ektom [Architecture: Between Territory and Object]. *Proekt international* [Project international], no 16, pp. 15–163. (in Russian)
- Kenzari B. (2014) Stroitel'nye ritualy, mimeticheskoe sopernichestvo, nasilie [Building Rituals, Mimetic Rivalry, Violence]. *Proekt international* [Project international], no 38, pp. 163–179. (in Russian)
- Lefebvre A. (2010) Proizvodstvo prostranstva [Production of Space]. *Proekt international* [Project international], no 24, pp. 149–168. (in Russian)
- Lefebvre A. (2015) Proizvodstvo prostranstva [Production of Space]. M.: StrelkaPress. (in Russian)
- Leont'eva E. (2021) Izobrazhaya zhertvu: pochemu bor'ba s kharassmentom privodit k eskalatsii nasiliya [Portraying the Victim: Why the Fight against Harassment Leads to an Escalation of Violence]. *Konets privychnogo mira. Putevoditel' zhurnala „Nozh“ po novoi etike, novym otnosheniyam i novoi spravedlivosti* [The End of the Familiar World. The Knife Magazine's Guide to New Ethics, New Relationships and New Justice.]. Moscow: Alpina Non-Fiction, pp. 60–74. (in Russian)
- Morton T. (2019a) Giperob'ekty [Hyperobjects]. Perm: Hyle Press. (in Russian)
- Morton T. (2019b) Stat' ekologichnym [Being Ecological]. M.: Ad Marginem. (in Russian)
- Rossi A. (2015) Arkhitektura goroda [City Architecture]. M.: Strelka Press. (in Russian)
- Rotbard Sh. (2017) Belyi gorod, Chernyi gorod. Arkhitektura i voina v Tel'-Avive i Yaffe [White City, Black City: Architecture and War in Tel Aviv and Jaffa]. M.: Ad Marginem. (in Russian)
- Sazonov O., Patimova P. (2021) Slovar': chtotakoe BIM. Prostymi slovami o slozhnoi tekhnologii [Dictionary: What is BIM. In Simple Words about Complex Technology]. *Softkul'tura* [Softculture]. Available at: <https://softculture.cc/blog/entries/articles/bim-likbez> (accessed 3 November 2021). (in Russian)
- Zhirar R. (2010) Nasilie i svyashchennoe [Violence and the Sacred]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie [Moscow: New Literary Observer Publishing House]. (in Russian)